

Вероника Долина никогда не боялась быть собой. «Когда б мы жили без затей, я нарожала бы детей — от всех, кого любила, всех видов и мастей», — пела Долина под гитару еще в пуританские восьмидесятые. Для многих ее творчество до сих пор остается отдушиной. И хотя барды вышли из моды, она продолжает петь — теперь уже в ночных клубах, а не в заводских ДК, и не только в России, но и в Америке — и писать стихи. Помимо чисто творческого наследия, у Долиной — четверо детей. Старшему — 27, а младшему — всего 8.

Впервые вышла замуж в 19, испулавшись одиночества

— Я певица не в первую очередь и даже не во вторую, — рассказывает Долина, когда мы наконец-то остаемся одни. Моя собеседница только что проводила в школу младшего сына и вытолкала за дверь огромную собаку. — Есть несколько областей, где я могу быть эффективной: выращивание детей, выписывание стихов, выпевание этих стихов вслух и выдвливание хоть каких-то денег, нужных для выживания.

— Этот процесс дискомфорта для вас?

— Очень комфортен, я это очень люблю. (Смеется.)

и диплом пединститута вряд ли реализуюсь. Кое-что открывалось через книжки, а кое-что — через мою высокоэффективную гормональную деятельность.

— Вы деторождение имеете в виду?

— Ничего подобного. Способность к тому, чтобы приманить другого человека, женского или мужского рода, к тому, чтобы из твоего неупеха замесили искры успеха. Это какое-то успехопроизводство. Ну а как иначе? Не бухгалтерским же учетом заниматься, не карьеру строить и не на работу же наниматься, куда тебя все равно не возьмут с твоим паспортом?

— Но ведь после пединститута вы работали в редакции физического журнала.



Вероника Долина:

Я уже еду не на бал, а с бала...

У меня, собственно, не очень снижена планка условий жизни. Детям всегда хотелось много игрушек, мне — много книжек, фильмов, когда дети подрастали, нужны были поездки. Я люблю, когда на всех что-то добротное одето-обуто, люблю, чтобы в холодильнике все было довольно добросовестно. Вот такой фокус. Но уйма атрибутов из нынешней красивой жизни у меня начисто отсутствует. Полагаю, что и не начнет присуществовать.

— Это вы про норковые шубы и бриллианты?

— Ну, это ерунда. Шуба — это же довольно ограниченная сумма денег. Есть гораздо более капитальные достижения. Нет, по моему поводу жизнь постановила, что чего-то более серьезного, чем довольно короткая тонкая дубленка на зиму, иметь ни к чему — во-первых, в чем-то громоздком неудобно водить машину, во-вторых, в чем-то длинном трудно дойти даже до магазина. Какие шубы, черт возьми? Это чтобы в собственной упряжке находиться, в Золушкиной карете, которая тебя везет все еще на бал, поскольку известно, что красивые кареты с бала редко возят? Меня это не интересует. Понимаете, я вообще уже с бала, с праздника. Возрастная и классовая категория такая. Другая половина жизни — оборотная, так сказать.

— Смотрите «Секс в большом городе»?

— Посматриваю с удовольствием.

— Но у вас диаметрально противоположный образ жизни...

— Чему? Вот этим теткам? Нет, я тоже такая немного писательница, которая любит сочинять в людном месте, как Керри в кафе с пишущей машинкой. Потом, мне нравится видеть в мужчине братское существо, такое немного игрушечное, немного специальное, жизненно необходимое. Мне нравится принцип материальной свободы, который там исповедуется.

Вероника Долина дважды была замужем. Второй супруг — известный режиссер Александр Муратов («Досье детектива Дубровского»).

— В девятнадцать лет я вышла замуж от катастрофического призрака одиночества, который, как мне показалось, стучится в мои юношеские двери. И я ринулась в это плавание, чтобы одной не быть.

Я понимала, что через мой пятый пункт, через мой паспорт



Дочь и внук Долиной

— Если б вы знали, какие академики устраивали эту мою штатную единицу! Сейчас трудно представить, как было сложно устроиться: ни смотрителем в детский сад, ни лаборантом в какую-нибудь неведомую лабораторию, ни в патентное бюро. Никуда ты не годился.

— Неужели все дело в национальности?

— Преимущественно. С 78-го по 80-й год, пока я ходила в эту чудную редакцию, моим начальником был академик Лифшиц, а моим кадровым начальником был академик Капица, я работала с Зельдовичем, Леонтовичем и Сахаровым. О тех двух годах я ностальгирую всю дальнейшую жизнь.

Основное в воспитании: быть рядом и кормить лучше

У Долиной трое мальчиков и одна девочка. Все дети очень красивые и способные.

— Вы говорили, что детей воспитываете по слуху.

— Я никого не воспитываю, я просто нахожусь рядом — кстати, довольно много. Надо видеть, с кем ты в соавторстве создаешь ребенка. А когда он уже появился — будь рядом и корми как можно лучше.

— Потому что еда влияет на интеллект?

— Еда влияет на вкус, я вам скажу по секрету. Очень сильно. Бесчисленная картошка, или бесконечные макароны, или пустоватый суп, или еще и отсутствие одного — узенький диапазон, маленький выбор. Это тоже область свобод, понимаете. Одни ботинки на осень, одни сандалии на лето — все это я недолюблю. Люблю, чтоб было много. Но во-первых, надо дать ребенку радость жизни. Просигнализировать о том, что жизнь — это не перетаскивание ног из одних суток в другие, что сон — это не только облегчение после

энергетически трудного дня, а еще и некое волшебное состояние. Своим детям я говорила: «Пора ложиться, потому что сейчас я тебе принесу порезанное яблоко, налью молока, разрешу десять минут посмотреть сказку или прочитаю пятнадцать минут о следующем лете». Неважно, но создается особый уютный мир, который поддерживаешь перед засыпанием — от этого его сон, может быть, не будет тупым и безынтересным, а художественным, полетным.

— Дети что-то дают?

— Почти все. Уверенность в себе, дружеский круг.

— Они оправдали ваши надежды?

— Не надо мои надежды оправдывать. Надо жить полноценно, интересно. Мои дети живут достаточно симпатично, у них есть успехи, заметные глазу. Один мой сын — солидный журналист, отец своего семейства и



С мужем Александром

содержатель дома. Другой сын играет в хорошем театре, снимается в кино.

— Вы не ходите на службу с девяти до шести, сами ведете хозяйство. При этом опровергая стереотип, что если женщина бросит работу, то она непременно обаятельна.

— Это у кого какая наследственность. Я люблю заниматься и стиркой, и готовкой. У меня плохо получается что-то перекладывать на чужие плечи. К себе у меня есть много неудобных требований. Очень мало разумного эгоизма, который помогает уйме людей выживать, ограждать механизмов, собственного секьюрити.

— Красиво, но непонятно.

— Например, уйма людей говорит: «Мне надо выспаться до такого-то часа», а мне совершенно не нужно выспаться, даже если я страшно устала, все равно я не ставлю условий. Я говорю себе: «Мне нужно отдохнуть, а иначе я не знаю, что сделаю — взорвусь, погибну». Я все делаю потоком мелких движений — быстро встаю, быстро умываюсь, быстро поднимаю ребенка, быстро тащу его в школу, выгуливаю собаку, покупаю что-то к завтраку. И так происходит девятно девять из моих ста лет жизни.

— Сейчас многие женщины не рожают, пока себя не обеспечат.

— Я не знаю, кто это. Я и в те годы встречала молодых особей женского пола, которые говорили: только отличная квартира, превосходная машина и полное обеспечение. Пусть будет, но мне это неинтересно совершенно. Не дело человека ставить условия судьбе. Я сотрудничаю с ней, насколько возможно. Мне кажется, так делает каждый сколько-нибудь художественный и культурный человек. А ставить условия — очень дикая, паразитическая, нетворческая позиция. Тот, кто заряжен творческим отношением к жизни, не жалеет себя в каких-то фундаментальных смыслах — в работе, в любви, в вопросах воспроизведения.

■ Надежда Келлер.